

„Поднятая целина“

РОМАН М. ШОЛОХОВА
НА ЭКРАНЕ

Вероятно, среди советских читателей не найдется ни одного человека, который не знал бы этого замечательного романа выдающегося советского писателя. Жизненная сила образов Давыдова, Нагульнова, Разметнова такова, что они давно перестали восприниматься как литературные персонажи. Мы думаем о них, как о живых людях, которых хорошо знаем, каждый из них по-своему дорог нам.

И вот большая группа кинематографистов «Ленфильма» взяла на себя ответственный труд средствами киноискусства показать все, что мы, прочитавшие роман, уже хорошо знаем.

На экране оживают страницы романа. Когда один за другим появляются герои Шолохова, в зрительном зале слышится шепот: «Давыдов!», «Нагульнов!», «дед Шукарь!» — и это тогда, когда они еще не произнесли ни слова. Узнают их безошибочно и, как говорится, с первого взгляда, — и это лучшее доказательство успеха работы режиссера, оператора, артистов.

Сценаристы Ю. Лукин и Ф. Шамагонов, сохранив общую атмосферу романа, сумели выбрать такие эпизоды, которые позволили не только воссоздать основные события первой книги, но дали возможность поста-

новщику и артистам с большой полнотой и точностью обрисовать характеры действующих лиц. Известный кинорежиссер А. Иванов продуманно и целенаправленно построил действие фильма, передав высокий эмоциональный накал, тот живой «нерв», который ощущается в каждом эпизоде романа.

Вот Давыдов приезжает в Гремячий Лог. Он внимательно, настороженно слушает слова Нагульнова и Разметнова, как бы решая для себя, каковы эти люди, будут ли они надежными помощниками в том ответственном деле, которое доверила ему партия.

В исполнении П. Чернова Давыдов обрел трудноопределяемое, но явное сходство с Максимом, героем ставшей классической трилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона». Конечно, это не значит, что образ, созданный артистом, неоригинален. Нет, Чернов рисует яркий, самобытный характер. Но глубокая внутренняя связь образов двух питерских большевиков очевидна, и артист, сознательно или бессознательно, подчеркивает ее. И Максим, и Давыдов — потомственные питерцы, коммунисты, которым партия доверила строительство новой жизни. Путь Давыдова это как бы логическое продолжение жизненного пути Максима. Ведь это такие, как Максим стали двадцатипятилетниками, бойцами великого фронта строительства новой, социалистической деревни.

П. Чернов последовательно рас-

крывает ведущие черты характера своего героя — его уверенность в торжестве великого дела партии, горячую, самоотверженную любовь к людям. Именно эти качества делают его человеком сильной воли, большой решимости. Авторов фильма и исполнителя можно упрекнуть лишь в том, что в картине почти не ощущаются внутренняя жизнь Давыдова, острота и пытливость его мысли, всегда беспокойной, ищущей.

Самоотверженная преданность делу партии роднит его с таким человеком, как Нагульнов, романтик и мечтатель, «весь заостренный на мировую революцию».

Роль Макара Нагульнова с великоколепным мастерством играет Е. Матвеев. Это один из самых ярких, впечатляющих шолоховских образов фильма. Красивый, сильный, уверенный в своей правоте, Макар — Матвеев живет одной мыслью: чтобы люди скорее пришли к светлому царству коммунизма. Страстная окрыленность Макара, не подкрепленная зрелостью политической мысли, пониманием методов большевистского хозяйственного строительства, иногда приводит его и к серьезным ошибкам, как, например, расправа с Банником и арест трех середняков.

Эпизод с Банником (артист Л. Кмит), сцена в райкоме партии, ночной разговор с Разметновым об изучении английского языка сыграны артистом так, что в них глубоко раскрывается неуемный, страстный характер Нагульнова. Не оправдывая ошибок и заблуждений своего героя, Е. Матвеев с большой психологической убедительностью рисует образ преданного бойца революции, все помыслы которого устремлены в будущее. И именно эти чистота и благородство помыслов и стремлений

покоряют, завоевывают ему безраздельные симпатии.

Режиссер-постановщик фильма с большой тщательностью отнесся к подбору артистов — исполнителей ролей. И это, бесспорно, во многом определило успех фильма в целом.

Сколько теплого юмора, искреннего, заразительного веселья вносит в картину В. Дорофеев, исполнитель роли дедушки Шукаря, хотя его герою в первых двух сериях отведено очень скромное место. Выразительно, с глубоким проникновением в сущность шолоховских образов играют свои роли В. Чекмарев (Островнов), П. Глебов (Половцев) и другие.

Но есть в фильме и серьезный просчет, просчет не столько исполнителя, сколько сценаристов и постановщика. Пассивным свидетелем событий остается Разметнов (артист Ф. Шмаков). Его участие в ликвидации «бабьего бунта», спровоцированного кулаками, в выселении кулаков из хутора, во всех напряженных событиях, развернувшихся в Гремячем Логу, происходит где-то «за кулисами», и потому один из центральных образов романа в картине получился каким-то незаметным и малоубедительным.

Запоминаются женские образы фильма. Всего в двух-трех эпизодах видим мы Варю. Но молодая артистка Л. Егорова сумела передать ее преданную, светлую любовь к Давыдову, раскрыть внутреннюю цельность, нравственную красоту молодой казачки.

Несколько неожиданную трактовку приобрел образ Лушки в исполнении Л. Хитяевой. Лукавое, беззащитное кокетство, грубоватое зангравывание с Давыдовым, полное отсутствие интереса к той напряженной жизни, которой живут гремяченцы, — все это убедительно показано актрисой. И только в сцене ночной прогулки с Давыдовым в степи в голосе бесшабашной, «беспутной бабенки» начинают звучать неожиданные нотки горького упрека за пренебрежение к себе, чувствуется своеобразный бунт глубоко оскорбленной женщины. Очень хорошо сыгранная актрисой, эта сцена впечатляет глубокой искренностью, но вряд ли ее эмоциональная окраска подсказана внутренней логикой развития образа.

Вероятно, многие достижения актеров — исполнителей ролей оказались бы менее очевидными, если бы не умелое операторское решение фильма (главный оператор В. Фастович). Прекрасны в картине портреты — выразительные, психологически точные, насыщенные внутренним динамизмом. Великолепно снята сцена, когда Давыдов, впервые вставший за плуг, доказывает колхозникам, что за день можно вспахать больше гектара.

Медленно движется глубоко вонзившийся в землю острый лемех. Неподатливо отваливаются тяжелые маслянистые пласты чернозема. Напряженная, склонившаяся над плугом фигура, руки, мертвой хваткой вцепившиеся в чалыги... Все медленнее движется плуг, теряют четкость очертаний тяжелые комья земли, сливаются борозды в одну широкую черную полосу. И мы понимаем, как тяжела эта работа и как человек огромным напряжением воли преодолевает усталость. По яркости и точности изобразительного решения эта сцена, пожалуй, одна из лучших в фильме.

События, о которых рассказывается в «Поднятой целине», уже стали историей. Но герои, творившие ее, это наши старшие современники, те, кто и сейчас стоит в строю бойцов за коммунизм. Именно поэтому «Поднятая целина» — произведение волнующее и глубоко современное.

Драматические события, происходившие в донском хуторе Гремячий Лог, при всем их своеобразии и неповторимости характерны для жизни всего советского крестьянства тех лет. Фильм ленинградских кинематографистов воочию, ярко и убедительно показывает, как закладывался незыблемый фундамент наших сегодняшних достижений. Мастера кино, воссоздавшие на экране жизнь героев одного из самых выдающихся произведений советской литературы, одержали серьезную творческую победу. Хочется пожелать им успешного завершения этой большой и ответственной работы.

Е. ПИОТРОВСКАЯ

На снимке: кадр из кинофильма «Поднятая целина»

Вечерний Ленинград
17 мая 1960.